

Всего было пять видов предметов: Одноразовая карта запроса подробной информации, Карта начального уровня «Остановка времени», Карта продления времени задания, Зелье отстранения эмоций и Симулятор обучения «Кошмар» 1-го уровня. Чэн Чэ бегло просмотрел список, и его внимание сразу же привлекло Зелье отстранения эмоций. Этот предмет, судя по всему, был предусмотрен на случай, если новички не смогут отпустить чувства, оставшиеся в их первом мире.

Зелье отстранения эмоций: извлекает и стирает эмоции человека по отношению к чему-либо или кому-либо, действует на персонажей сюжета.

Действует на персонажей сюжета... Чэн Чэ слегка замер. В этот момент до конца отсчета времени до выхода из сюжета оставалось всего десять секунд.

Не колеблясь ни секунды, Чэн Чэ достал зелье отстранения эмоций и влил его в рот сидевшему рядом Тан Шаои.

— Прощай, Тан Шаои, забудь меня. — Бормотание Чэн Чэ было едва слышным. Секунду спустя его тело стало прозрачным — он уже начал покидать сюжетный мир. Хотя формально он всё ещё оставался в этом мире, фактически он ему уже не принадлежал. И если Чэн Чэ всё ещё задерживался здесь в виде проекции, то лишь для того, чтобы убедиться в безопасности этих невинных людей.

Так называемый сценарий выхода подразумевает создание правдоподобной имитации гибели от несчастного случая — например, крушения самолета, как в этот раз.

Самолет начал терять управление. Чэн Чэ с равнодушным видом наблюдал, как стюардессы и пассажиры, включая Тан Шаои, один за другим надевали парашюты и выпрыгивали из падающего лайнера, пока он не остался совсем один.

Никто не обратил внимания на то, что Чэн Чэ по-прежнему спокойно и безмятежно сидит на своем месте, не проявляя ни малейшего беспокойства. Казалось, даже Тан Шаои забыл, что рядом с ним должен находиться еще один человек.

В этом заключалась сила системы.

Согласно воле Хозяина, вводится принудительное приведение к логичному сценарию: рейс H125 потерпит крушение, в живых останется только Чэн Чэ, все остальные пассажиры и члены экипажа выживут.

Мутоу появился рядом с Чэн Чэ и безмолвно завис в воздухе.

— Хозяин, эти люди — всего лишь сгенерированные системой данные, а после выхода системы из мира он сможет просуществовать от силы еще несколько десятков лет. — Мутоу не понимал

упорства Чэн Чэ. С его точки зрения, всё, что делал Чэн Чэ, было совершенно бессмысленно.

— Мутоу. Что реально, а что виртуально? Возможно, у тебя есть четкая граница, но для меня всё, что я вижу, слышу, знаю и чувствую — всё это реально. — Чэн Чэ в конце концов не выдержал и подошел к самому хвосту салона, провожая взглядом фигуру Тан Шаои, которая уже превратилась в едва заметную черную точку.

Интересно, что он почувствует, когда благополучно спасется и услышит весть о его гибели?

Наверное, ничего. К тому моменту зелье отстранения эмоций уже подействует, и для Тан Шаои такой человек, как Чэн Чэ, будет ничем не отличаться от полевой травы или придорожных цветов. Точно так же, как в оригинальном сюжете, где смерть первоначального владельца тела никак не повлияла на Тан Шаои.

Сожалеет ли он? Возможно.

Но что с того? Он просто сделал лучший выбор из возможных.

— Мутоу, выходим полностью, отправляемся в следующий мир.

Он верил, что время сотрет всё.

Экстра о Тан Шаои (немного драматично, читать с осторожностью)

Родители Тан Шаои умерли рано, и сколько он себя помнил, ему приходилось кочевать по домам родственников. Там, где попадались люди добрее, его жизнь текла чуть легче, а там, где злее — превращалась в невыказимое испытание.

Сама жизнь неизбежно заставляет нас чему-то учиться вопреки всему.

Поэтому Тан Шаои без всяких учителей овладел искусством притворства. Радоваться, когда требовалось радоваться, горевать, когда положено горевать, а когда нужно — притвориться невидимкой и не привлекать к себе внимания.

Что поделать, когда находишься под чужой крышей — приходится склонять голову.

Тан Шаои не был особенно умным ребенком, учился средне, но редкой удачей можно было назвать его смазливую внешность. Впрочем, в те годы от нее не было никакой пользы: он бы предпочел лучше учиться и уметь хоть что-то писать, чтобы находить какой-нибудь приработок и помогать себе с деньгами.

А если бы он мог полностью обеспечить себя и съехать из чужого дома — было бы и вовсе прекрасно.

Поэтому, когда к нему обратился режиссер фильма Гимн юности, Тан Шаои, не раздумывая, отправился за ним.

Тогда он жил у тетушки. Она не морила его голодом и не ущемляла в быту, но и особой заботы о его жизни не проявляла. Услышав, что племянник собирается на некоторое время уехать в другой город, она даже обрадовалась — ей было только проще. Немного расспросив его для вида, чтобы убедиться, что парня не обманывают мошенники, она легко отпустила его.

Она, судя по всему, даже понятия не имела, в каком именно фильме ему предстоит сниматься, и именно поэтому была так потрясена, увидев лицо собственного племянника на экране в Гимне юности.

На съемочной площадке всегда полно самых разных людей, и у каждого на уме свои тайные расчеты. К счастью, хотя он и играл главную роль, никто не стал намеренно чинить препятствия подростку.

Тан Шаои прекрасно понимал, как себя защитить, и довел умение прикидываться простачком до совершенства.

Гимн юности стал колоссальным кассовым хитом, успех которого превзошел любые ожидания — настолько грандиозным, что даже много лет спустя фильм оставался в обязательной программе для просмотра у средних школьников. На этот раз Тан Шаои больше не нужно было кому-то завидовать — напротив, теперь все его сверстники завидовали ему. Что толку от хорошей учебы? Всё равно не сравнится с красивым лицом, которое им досталось. Услышав однажды подобные слова, Тан Шаои лишь улыбнулся и не придал им никакого значения.

Разумеется, следом за этим появились и неприятности. Некоторые из тех подлинных звезд и крупных величин отличались мелочностью: завидуя Тан Шаои, они неизменно отпускали в его адрес саркастические шпильки, совершенно забывая, что от этой возможности отказались они сами.

Трудности зачастую идут рука об руку с возможностями. Когда к нему пришла Юэ Сан с контрактом на подписание договора с Чжунсин, Тан Шаои понял: его шанс настал.

И он обязан ухватиться за него обеими руками, ведь кто знает, будет ли еще вторая попытка.

В то время Юэ Сан еще не была известным менеджером — она являлась лишь рядовой сотрудницей в огромной компании Чжунсин. Исходя из этого, становится понятно, что Чжунсин на самом деле не слишком-то заботился о Тан Шаои. И это неудивительно: хотя он и гремел на всю страну, в шоу-бизнесе хватало звезд, чья популярность вспыхивала лишь на мгновение, после чего они бесследно исчезали.

То было лишь самое начало его пути. Годы спустя, после восьми лет упорной борьбы, Тан Шаои взошел на трон Киноимператора, а воспоминания тех лет давно поблекли и запылились, и у него почти не оставалось времени возвращаться к ним мысленно.

Когда Тан Шаои встретил Чэн Чэ, он как раз окончательно распрощался с прошлым.

Лекция в университете Дж. подошла к концу, что означало: он выплатил свой последний долг.

Поступить в хороший университет было мечтой Тан Шаои в студенческие годы, хотя первопричина крылась в том, что в хороших университетах выплачивали более крупные стипендии.

Университет Дж. освободил Тан Шаои от платы за обучение и зачислил в обход экзаменов, предложив особые условия в обмен на то, что после обретения известности Тан Шаои прочитает у них курс лекций. Теперь лекция была окончена, уговор выполнен, и с плеч упал последний груз — он стал совершенно свободен от каких-либо обязательств.

Если Тан Шаои и проявил интерес к Чэн Чэ при их первой встрече так легко и быстро, то в значительной степени потому, что Чэн Чэ принадлежал к числу тех людей, кому он так завидовал в юности.

Лишившись обоих родителей, тот тем не менее был способен жить самостоятельно; к тому же он превосходно учился и обладал жизнерадостным характером.

Тан Шаои больше всего завидовал именно таким людям, способным самостоятельно управлять собственной судьбой.

Затем, по мере углубления беседы, судьба преподнесла ему сюрприз: он сказал Чэн Чэ — я такой же, как ты.

Но на самом деле? Чэн Чэ мог открыто заявить о своей ориентации, и даже судя по реакции его товарищей, те знали об этом давным-давно.

Что же до него самого... Тан Шаои слишком рано осознал, что его ориентация отличается от общепринятой, но так и не осмелился никому об этом рассказать. По сей день в курсе была лишь Юэ Сан, которой он об этом доложил.

Нельзя отрицать, что тогда Тан Шаои поддался минутному порыву: сигнал о сходстве, кричавший у него в голове, лишил его возможности думать о чем-либо еще.

Наверное, были свои причины и у Юэ Сан, раз она сочла его неестественное поведение признаком каких-то особых чувств к Чэн Чэ. Но тогда он ещё не думал об этом так глубоко — ему просто хотелось приблизиться к этому человеку, а затем заботиться о нём. Была ли это

любовь с первого взгляда, он не знал.

Их дни напролёт проведённые бок о бок во время съёмок Сяньдао Жоуцин, а также последовавшее за этим явное стремление Чэн Чэ избегать его заставили Тан Шаои наконец трезво взглянуть на собственные чувства. Первоначальное притяжение душ переросло в нечто куда более зрелое и прекрасное — в настоящую любовь.

Неужели человек, проживший двадцать шесть лет в тяготах, наконец дождался своей весны?

Сюрпризы следовали один за другим: Чэн Чэ намеренно старался реже с ним видиться, но стоило Тан Шаои лишь немного приблизиться, как тот тут же начинал нервничать и терялся от смущения.

Тан Шаои думал: разве не мог он предположить, что Чэн Чэ испытывает к нему точно такие же чувства?

Стоит ли говорить, что даже при самой первой встрече Чэн Чэ, столкнувшись с незнакомым, но прикованным ко всеобщему вниманию Киноимператором, не выказал ни малейшего колебания эмоций.

Тан Шаои до слёз жаждал узнать ответ. Рядом с его Чэнь-эр вилось слишком много близких друзей, и он боялся упустить момент из-за какой-нибудь нелепой случайности. Но признание в любви — дело серьёзное, его нельзя делать как попало. Тан Шаои хотел дождаться подходящего случая.

Например, когда Чэнь-эр закончит съёмки в Чжэнжун Суйюэ и перед тем, как отправиться на съёмочную площадку Цинхань, у них будет целый день, чтобы излить друг другу душу. Чэнь-эр ещё не знал, что он тоже получил роль в Цинхань, и это могло стать отличным сюрпризом.

Тан Шаои тщательно к сему готовился, но в итоге ничего из задуманного не пригодилось: его признание было вынужденно произнесено в крайне неудачный момент и закончилось полным провалом.

Он не знал причин отказа Чэн Чэ, но пока дело было не в неприязни, он не собирался отступать.

Он думал, что у него в запасе предостаточно времени, чтобы растопить сердце Чэн Чэ, пока однажды его Чэнь-эр не сдастся перед лицом его искренности.

Однако суровая реальность не оставила ему времени даже на то, чтобы нормально поухаживать за любимым.

Самолет, летевший к съёмочной площадке Цинхань, потерпел крушение. К счастью, из всех

пассажиров спастись не удалось лишь одному человеку.

И по злой иронии судьбы этим человеком оказался Чэн Чэ.

Спасательная операция выдалась суматошной, но Тан Шаои всё-таки был Киноимператором, поэтому на его обморок обратили внимание в первую же очередь, и спасатели спешно эвакуировали его с места происшествия.

Проснувшись от непрекращающегося звонка мобильного телефона, Тан Шаои по привычке шарил рукой рядом с собой... место оказалось пустым. Нос был забит неприятным запахом дезинфицирующего средства. Тан Шаои некоторое время не мог понять, где находится.

— Алло?

— Тан Шаои, это я. — Голос Юэ Сана на том конце провода звучал странно, и Тан Шаои терпеливо ждал, что тот скажет.

— Тан Шаои, ты сейчас в порядке? Я уже еду к тебе, поговорим с глазу на глаз.

Какие у меня могут быть проблемы? По дороге на съемочную площадку самолет потерпел крушение, чудом остался жив...

Воспоминания начали возвращаться, и Тан Шаои с опозданием ощутил проблески радости и облегчения от того, что вырвался из лап смерти.

Но нет, было стойкое ощущение, что он упустил из виду что-то важное.

Юэ Сан толкнул дверь больничной палаты и вошел, его шаги сопровождались прерывистым, взволнованным дыханием, создавая излишний шум:

— Тан Шаои, ты должен взять себя в руки... Я знаю, как сильно ты убиваешься из-за гибели Чэн Чэ, но мертвых не вернешь, а живым нужно продолжать жить...

— Тан Шаои! Тан Шаои... Не пугай меня так.

— Тан Шаои... ты... возьми себя в руки, я здесь, если что — зови.

Увидев, что взгляд Тан Шаоа блуждает в Забвении, Юэ Сан решил, что тот сошел с ума от горя, и больше не смел заикаться о Чэн Чэ.

Но на самом деле всё было совсем не так, как думал Юэ Сан. Тан Шаои сейчас терзался одним странным вопросом... почему он вообще не чувствует боли?

Чэн Чэ — человек, которого он любил, с которым надеялся прожить всю жизнь, — теперь погиб, и от него не осталось даже тела.

Почему же он принял это с такой холодной отстраненностью?

Тан Шаои прижал руку к груди и спросил свое сердце: «Почему тебе не больно?»

Физически Тан Шаои был абсолютно здоров и выписался в тот же день. Авиакатастрофа

обошлась без жертв с его стороны, он не получил ни единой царапины.

С пугающим спокойствием он уладил все вопросы с похоронами, успокоил фанатов и перекроил график.

От съемок в Цинхань он решил отказаться: после пережитого потрясения он не подходил для столь мрачных и давящих проектов, но главной причиной было то, что он потерял изначальный стимул браться за эту работу.

Тан Шаои взял другой фильм, со схожим актерским составом, отдохнул пару дней и стал готовиться к заезду на площадку.

Казалось, всё вернулось на круги своя.

Однако вел себя Тан Шаои до безумия хладнокровно — совсем не так, как человек, только что потерявший любовь всей своей жизни. Юэ Сан, неотлучно находившийся при нем последние дни, понимал: с Тан Шаоим что-то не так, что-то очень сильно не так.

Лишь когда, уладив дела и получив несколько дней на отдых, Тан Шаои заперся в своей комнате, Юэ Сан наконец немного расслабился... Хотя беспокойство и осталось, такое поведение походило на норму.

Тан Шаои поднял из памяти все воспоминания о Чэн Чэ: их первую встречу, знакомство, совместные дни — каждую мелочь. Он помнил все эти фрагменты до мельчайших деталей, но никак не мог вновь ощутить те чувства, что испытывал тогда. Словно кто-то безжалостно вырвал из его груди всю привязанность к Чэн Чэ, вычистив всё до последней капли.

Но в этом-то и крылась главная загадка.

Тан Шаои вспомнил, как Чэн Чэ явно испытывал к нему чувства, но при этом упорно и непреклонно отказывал, вспомнил внезапную головную боль в тот день, когда сам он уже спасся.

Всё это наводило на мысль, что Чэн Чэ предвидел собственную смерть.

Снова и снова Тан Шаои отчаянно заставлял себя вспоминать, вновь и вновь прокручивая в голове каждый миг, проведенный с Чэн Чэ, и пытаясь угадать, каково было тогда у того на душе.

День за днем, забывая о сне и еде.

И вот в один прекрасный день сердце Тан Шаоя пронзила острая боль, от которой перехватило дыхание.

Зелье отстранения эмоций способно стереть чувства человека, но оно не властно над воспоминаниями. Стоит лишь пойти по нити памяти — и однажды утраченная связь вернется. Ведь если судьба даст им второй шанс, те, кому суждено полюбить друг друга, полюбят вновь.

Глава 17: Бунтующий подросток

— Производится извлечение данных, извлечение данных завершено.

- Эффективность режима наставника: девяносто девять процентов.
- Эффективность режима соревнования: один процент.
- Мир официального сюжетного задания открыт. Выбран режим: режим наставника.
- Введение в режим наставника: в каждом сюжетном мире Хозяин получает наставника, который будет руководить его обучением и развитием. Наставник не может быть выбран самостоятельно; если по какой-либо причине наставник утрачен, повторный выбор в этом мире невозможен.
- Системный склад открыт, вход доступен через главный интерфейс.
- Системный магазин открыт, вход доступен через главный интерфейс.
- Загрузка мира первого официального задания завершена.
- Обработка данных завершена. Желаете передать данные сейчас? Да, нет, показать позже.

Окончательно покинув сюжетный мир, Чэн Чэ оказался в пространстве, заполненном мерцающими потоками серебристых данных.

Системный дух Мутоу тихо парил перед Чэн Чэ на уровне его плеча. В ушах непрерывной чередой звучали системные подсказки.

Чэн Чэ поневоле приходилось верить, что он больше не в реальном мире, а в проклятом сюжетном пространстве, ведь стоило Мутоу извлечь данные, полученные им в прошлом мире, как девятнадцать лет абсолютно подлинных воспоминаний первоначального владельца тела просто растворились.

Теперь память Чэн Чэ начиналась с того самого утра, когда он пришел в себя, и из-за этого фигура Тан Шаоя стала еще четче и ярче.

Первым человеком, которого он встретил, был Тан Шаои, и дольше всего он общался тоже с Тан Шаоим. Едва обретенное душевное равновесие вновь полетело к чертям.

Мутоу терпеливо ждал решения Чэн Чэ, не торопя и не подгоняя. Однако серебристые потоки данных, кружившие вокруг, начали понемногу рассыпаться на куски, постепенно обнажая контуры роскошной комнаты.

Изменение окружающей обстановки красноречивее любых слов говорило Чэн Чэ, что времени у него оставалось в обрез.

Пока одежда на самом Чэн Чэ не сменилась пижамой с крупным принтом в виде черепа, он наконец пришел в себя и твердым, без малейших колебаний голосом произнес:

- Да.
- Передача данных завершена.
- Данные успешно приняты.

Обрушившийся лавиной массив шестнадцатилетних воспоминаний несколько размыл образ Тан Шаоя, и Чэн Чэ переключил внимание на текущую обстановку: времени на раскачку в заданиях не полагалось.

— Чэн Чэ! Если ты сейчас же не встанешь, я выброшу все твои драгоценности! — раздался за дверью пронзительный женский голос.

Чэн Чэ не успел упорядочить полученную информацию, но тут же скопировал манеру речи прежнего хозяина тела — ленивую и наплевательскую:

— Знаю, знаю! Выбросишь — пойду и куплю новые!

— Госпожа, у нас совсем не остается времени, — поторопил ее чей-то низкий голос.

— Выходи пока на улицу, я сейчас спущусь, — ответила женщина, после чего с силой забарабанила в массивную деревянную дверь комнаты Чэн Чэ и злобно пригрозила: — Чэн Чэ, я вернусь и спрошу у дворецкого: если ты сегодня до десяти утра не встанешь, не поешь и не сядешь за пианино, я сожгу твою кровать, и будешь спать прямо в музыкальной комнате!

Услышав, как затихающий стук каблуков удаляется по коридору, Чэн Чэ рухнул на кровать, принимаясь за сортировку данных и вещей...

Этот мир... кажется, таил в себе немалую опасность.

Название мира: Мир богатых кланов.

Оценка мира: Низкий уровень опасности. Низкие требования к способностям Хозяина. Зона, доступная для исследования.

Мир с еще неразвитыми технологиями. Сверхъестественные силы отсутствуют. [Особенность: музыка занимает ключевое положение.]

Направление развития: Светские связи. [Больше друзей — больше дорог, неважно, хорошая это дорога или дурная.]

Открыв системную панель, он задумчиво уставился на примечание об «особенности» мира. Лишь освежив в памяти сюжетные материалы, Чэн Чэ понял, насколько именно это «ключевое положение» было важным.

Восемь Великих Кланов, обладающих наибольшей властью в этом мире, передавали из поколения в поколение мастерство игры на фортепиано, арфе, скрипке, саксофоне, гуцине, эрху, бамбуковой флейте и барабанах. Право наследования клана определялось уровнем музыкального мастерства, право голоса на мировой арене — тоже им, и по тому, какую музыку исполняет человек, можно было безошибочно определить его сущность.

Собрания, на которых знатные кланы обменивались музыкальным опытом, назывались собраниями Великих кланов.

Клан Чэн, к которому принадлежал прежний хозяин тела, был кланом Фортепиано.

По сюжету прежний владелец тела являлся проблемным подростком в период бунтарства. Больше всего на свете он ненавидел, когда родители заставляли его заниматься музыкой.

Будучи единственным ребенком в семье, он не испытывал конкурентного давления; родители годами мотались по гастролям и управляли делами клана, уделяя мало внимания воспитанию сына, а старый дворецкий, нянчивший молодого господина с пеленок, все же оставался слугой, и его слова имели ограниченный вес.

В итоге бунтующий юноша зашел слишком далеко: в последние годы он увлекся синтезатором — побочным, еретическим музыкальным инструментом — и забросил занятия традиционным семейным инструментом, фортепиано.

По первоначальному сюжету мать юноши была вынуждена нанять для сына домашнего учителя, чтобы хоть как-то совладать с ним. Но подросток в переходном возрасте не желал подчиняться ни родителям, ни тем более какому-то чужаку, к тому же едва ли старше его самого. Это лишь усилило его бунт, и в итоге на очередном собрании Великих кланов он полностью опозорился, лишившись прав на наследство клана Фортепиано. Оставшийся без сильного потомства клан Чэн постепенно пришел в упадок.

Основное задание: изменить судьбу Чэн Чэ. [Время выполнения: десять лет.]

Побочное задание: домашний учитель для дружбы. [Научиться ладить и пускать пыль в глаза тем, кто вызывает отторжение.]

Уровень сложности официальных заданий и начального руководства разительно отличался. Хотя главная цель оставалась прежней — изменить судьбу оригинала, — ограничений в этом мире было куда больше, чем на «новичковом» этапе. Самое главное: от Чэн Чэ требовалось не просто обеспечить собственную безопасность, как в первом задании, а добиться реальных успехов. Если бы он не сумел проявить себя, клан Фортепиано все равно пал бы в конце концов, а основное задание считалось бы проваленным.

<http://bllate.org/book/21663/2235254>